

Antoni Bortnowski

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

Polska

<https://orcid.org/0000-0002-9963-1798>

ПОПЫТКА ОЖИВИТЬ ПРОШЛОЕ. МЕТАРОМАН АЛЕКСЕЯ МАКУШИНСКОГО ГОРОД В ДОЛИНЕ

AN ATTEMPT TO REVIVE THE PAST. THE META-NOVEL
TOWN IN VALLEY BY ALEXEI MAKUSHINSKY

This article explores the relationship between the past and the present in the meta-novel *Town in Valley*, written by Alexei Makushinsky, the Russian émigré author. The discussion focuses on the protagonist who makes an unsuccessful attempt to write a novel about the Russian Civil War. The aim of the article is to uncover the reasons and key aspects of the creative failure depicted by Makushinsky, addressing oppositions such as past vs. present, personal vs. historical, and memory vs. imagination. It also delves into the interactions between an author and a text, and ultimately, fiction and history. The main conclusions are that *Town in Valley* demonstrates the futility of using literary texts as tools to resurrect the past, and that fiction cannot replace memory or transform historical events into personal experiences. Artistic and historical elements can complement each other, but a complete synthesis is evidently impossible. Keywords: *Town in Valley*, Alexei Makushinsky, meta-novel, memory and history, Post-Soviet Émigré Literature

PRÓBA OŻYWIENIA PRZESZŁOŚCI. METAPOWIEŚĆ
ALEKSIEJA MAKUSZYŃSKIEGO ГОРОД В ДОЛИНЕ

Niniejszy artykuł jest poświęcony kwestii relacji między przeszłością a terażniejszością w metapowieści *Город в долине* („Miasto w dolinie”), napisanej przez rosyjskiego pisarza emigracyjnego Aleksieja Makuszyńskiego. Rozważania są skoncentrowane na postaci głównego bohatera, który podejmuje nieudaną próbę

napisania powieści o wojnie domowej w Rosji. Celem autora artykułu jest ukazanie przyczyn i kluczowych aspektów przedstawionego przez Makuszyńskiego obrazu twórczej porażki, który został zbudowany wokół takich opozycji, jak przeszłość–teraźniejszość, osobiste–historyczne, pamięć–wyobrażenie oraz jest ściśle związany z kwestiami interakcji między autorem a tekstem czy fikcją a historią. Najważniejsze wnioski są takie, że *Город в долине* potwierdza niemożność wykorzystania tekstu literackiego jako narzędzia wskrzeszenia przeszłości, a dzieło nie może zastąpić pamięci ani przekształcić tego, co historyczne, w to, co osobiste. Literatura i historia mogą się uzupełniać, ale kompletna ich synteza jest *a priori* niemożliwa. Słowa kluczowe: *Город в долине* („Miasto w dolinie”), Aleksiej Makuszyński, metapowieść, pamięć i historia, literatura emigracji poradzieckiej

«История перетекает в жизнь, жизнь становится историей»¹, — можно прочитать в рецензии на последний роман Алексея Макушинского *Дмитрий* (2023). Тема сложных взаимосвязей прошлого и настоящего, переплетения разных временных страт — отличительная черта творчества Макушинского, что видно на примере более ранних его произведений. Одним из них является роман *Город в долине*, которому посвящена данная статья. Алексей Макушинский, с 1992 года постоянно проживающий в Германии, свою писательскую деятельность начал еще в СССР, хотя первый роман — *Макс* — вышел уже в 90-е годы (Макушинский работал над ним 9 лет). Интересующий нас *Город в долине* — второе крупное прозаическое произведение автора — создавался около 15 лет. Далее, однако, тенденция не продолжилась, и в течение следующих 10 лет Алексей Макушинский написал 4 романа, последний из которых — упомянутый *Дмитрий*, вновь уводит читателя в прошлое: с одной стороны, в переломные времена конца XX века, с другой — аж в Смутное время рубежа XVI–XVII веков. Алексей Макушинский неоднократно становился лауреатом литературных премий — самой титулованной его книгой на данный момент является *Пароход в Аргентину* (2013)².

¹ М. Ставитская, *Синдром Самозванца* // «Берлин. Берега» 2024, № 1, с. 149.

² Роман оказался в коротком списке премии «Большая книга», получил первый приз «Русской премии», попал в длинные списки премий «Нос», «Русский Букер», «Национальный бестселлер».

Город в долине, ставший предметом нашего анализа, был опубликован впервые журналом «Знамя» (2012), затем вышел небольшим тиражом в издательстве Алетейя (2013) и был переиздан в 2016 году Эксмо. Как рассказал сам Алексей Макушинский, история романа началась с идеи написать повесть о Гражданской войне, которая на протяжении 10 лет не давалась автору. Затем, в 2010 он вдруг нашел решение своих проблем и в течение одного года роман был завершен³.

Город в долине — это история дружбы героя-повествователя, являющего собой автопортрет автора, с Павлом Двигубским, полностью вымышленным персонажем. Друг рассказчика большую часть жизни пытается написать неудавшуюся реальному Алексею Макушинскому повесть, но, в отличие от автора, не находит решения своих проблем. Книга развивается в двух основных временных планах — в годы Гражданской войны и на рубеже XX и XXI веков. Действие начинается в конце 70-х годов и заканчивается в 2000-х (Павел Двигубский умирает в 2007 году). Как справедливо отметила Мария Савельева, *Город в долине* — это «роман о рождении духа творчества, о том, что такое творчество, роман о Даре, о том, что делать с этим Даром, [...] о невозможности ни с кем разделить свое самое сокровенное, [...] об одиночестве человека Дара»⁴. Здесь сразу закономерно могут возникнуть ассоциации с последним русским романом Владимира Набокова, с которым у произведения Макушинского много общего и к которому мы еще вернемся в данной статье. Продолжая же мысль Савельевой, следует констатировать, что *Город в долине* — это история неудачи, представляющая мучительный процесс рождения литературного текста и таким образом приобретающая черты метаромана.

Произведение Алексея Макушинского, безусловно, следует назвать типичным примером метапрозы, в котором соблю-

³ Алексей Макушинский о романе «Город в долине», октябрь 2021, https://www.youtube.com/watch?v=jHUvHLNdf_s (23.05.2024).

⁴ М. Савельева, *Посвящается «Двигубским»* // «Крещатик» 2012, № 3, <https://magazines.gorky.media/kreschatik/2012/3/posvyashhaetsya-dvigubskim.html> (23.05.2024).

дены все основные черты данного жанра, сформулированные Марком Липовецким:

1) тематизация процесса творчества; 2) высокая степень репрезентативности «вненаходимого» автора-творца, находящего своего текстового двойника в образе персонажа-писателя, нередко выступающего как автор именно того произведения, которое мы сейчас читаем; 3) зеркальность повествования, позволяющая постоянно соотносить героя-писателя и автора-творца, «текст в тексте» и «рамочный текст»; 4) «обнажение приема», переносящее акцент с целостного образа мира, создаваемого текстом, на сам процесс конструирования и реконструирования этого еще не завершенного образа; 5) пространственно-временная свобода, возникающая в результате ослабления миметических мотивировок⁵.

Город в долине становится даже своего рода двухуровневым метароманом, в котором автор-рассказчик представляет историю своего друга, активно комментирует процесс формирования истории, ход повествования и вводит в текст не столько незаконченную повесть Павла Двигубского, сколько его записки, которые, как замечает повествователь, лежат перед ним, как письмо пушкинской Татьяны («Письмо Татьяны предо мною, его я свято берегу. Эта первая глава несостоявшейся повести лежит сейчас, действительно, предо мною [...]»⁶). Полученные от друга материалы представляют собой не только законченные главы незавершенной повести, но и множество черновых фрагментов с комментариями, аннотациями автора Двигубского, которому Макушинский передает роль рассказчика и позволяет обнажить всю суть провалившегося процесса рождения повести *Город в долине*, давшей заглавие всему роману. В контексте поставленных в нашей статье задач важно было определить, что произведение Макушинского представляет собой именно метароман, так как эта установка дает основания для рассуждений на примере

⁵ М. Липовецкий, *Из предистории русского постмодернизма (метапроза Владимира Набокова от «Дара» до «Лолиты»)* // его же, *Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики)*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург 1997, с. 46.

⁶ А. Макушинский, *Город в долине*, Алетейя, Санкт-Петербург 2013, с. 152.

Города в долине о самой идее творчества, сути художественного текста, его взаимодействия с внешним миром, в данном случае, в первую очередь, с историческим и личным началами.

Главная цель предлагаемой статьи — попытаться ответить на вопрос, почему Двигубский, годами, а даже десятилетиями усердно работая над своим *opus magnum*, не сдаваясь вплоть до последних месяцев жизни, в итоге все равно терпит поражение. Ниже мы представим попытку раскрыть причины и ключевые аспекты представленной Макушинской картины творческого поражения, затрагивающей такие оппозиции, как прошлое–настоящее, личное–историческое, память–воображение, а также тесно связанной с вопросами взаимодействия автор–текст и, наконец, художественная литература–история. Уже в начале рассуждения можно однозначно сказать, что причина творческой неудачи Двигубского не заключается в его преждевременной кончине (герой умер в 49 лет). По ходу развития повествования становится очевидным, что главный герой уходит все дальше от намеченной цели. Отметим, что исследователи и критики не разбирают подробно причины поражения Двигубского (а возможно, и самого Макушинского). Такую попытку предприняла Юлия Матвеева, однако в ее работе данный вопрос не стоит в центре рассуждений и сводится к скорее общим, хотя и безусловно справедливым выводам, ключевым из которых, на наш взгляд, кажется утверждение о том, что «психологической достоверности с чужого голоса не бывает, присвоить чужую ментальность, чужой опыт невозможно»⁷.

Причины поражения Двигубского, как нам представляется, намного сложнее, они более комплексные, связанные не только с неправильным восприятием роли художественного текста как инструмента проникновения в прошлое, но и личностными качествами героя, его отношением с прошлым и настоящим.

⁷ Ю. Матвеева, *Тема Гражданской войны в России в современной русской литературе: перспективы движения, или завершение культурного цикла?* (А. Макушинский, Л. Юзефович) // «Przegląd Wschodniosłowiański» 2018, № IX/2, с. 132.

Чтобы прояснить причины неудачи Павла Двигубского, прежде всего следует понять, что это за персонаж. Итак, герой Макушинского становится очередным воплощением «лишнего» человека, терзаемым сомнениями тургеневским Гамлетом с неоднократно упоминаемой в романе «рудинской шевелюрой»⁸. Двигубский происходит из интеллигентской московской семьи, которая живет в наполненной реликвиями прошлого квартире, являющей собой оазис культурности среди советского пошлого моря. Уже с юных лет Двигубский однозначно отвергает современность, устремляется в прошлое, например, использует исторические названия московских улиц, последовательно отрицая вездесущую «советчину». Неприятие своего времени проявляется даже в общении с другом Макушинским, с которым они так и не перешли на «ты», что, как заявляет герой-рассказчик, было «формой протеста против пролетарского панибратства, со всех сторон окружавшего нас»⁹.

Однажды, живя среди унылой советской реальности начала 80-х, Двигубский видит образ, который будет его пленить до конца жизни:

что-то вроде видения было у него позавчера ночью, сон или не сон, он сам не мог бы сказать, но что-то очень отчетливо увиделось ему во сне, [...] маленький город какой-то, окруженный холмами, вот, очень маленький город, вот как это было, город в долине¹⁰.

Именно этот город, застывший в 1919 году, Двигубский попытается описать в повести и через него проникнуть в прошлое, возродить его. Будучи историком, он начинает изучать множество источников, перечитывать воспоминания участников Белого движения с целью любой ценой придать максимальную достоверность создаваемому образу. Двигубский олицетворяет таким образом описанную Пьером Нора одержимость современного человека в стремлении превратить

⁸ А. Макушинский, *Город в долине...*, с. 7, 27, 93.

⁹ Там же, с. 5.

¹⁰ Там же, с. 26.

память в своего рода архив, собирающий и кодифицирующий мельчайшие осколки прошлого¹¹. Двигубскому недостаточно было понять события, он хотел буквально их ощутить. В этом он признается другу-повествователю, заявляя, что «старается и все-таки по-настоящему не может увидеть еще нечто... самое важное, может быть... что же? А вот просто увидеть, как это было, [...] как пахло?»¹². Согласно Пьеру Нора, стремление Двигубского испытать подобного рода «галлюцинации» указывает на отчуждение настоящего от прошлого, подчеркивает присутствие между ними разрыва¹³. Таким образом, желание главного героя прикоснуться к прошлому, увидеть и «понюхать», указывает на неспособность понимать его интуитивно и замечать его органичную связь с настоящим.

Двигубский не пытается переосмыслить историю (о неизбежности данного процесса пишет Юлия Матвеева), посмотреть на Гражданскую войну с точки зрения современности. Несостоявшийся писатель старается объединить воедино события и взгляд на них, смотреть на них глазами участника — убежать от ненавистной современности в прошлое. Автор вновь и вновь пытается сделать город совершенным, реальным, многократно переписывая одни и те же фрагменты, он не может вынести мысли, что плод его трудов — это лишь мираж, литературный образ, а не реальный город, с настоящими людьми, у которых есть своя биография, мысли, даже любимые книги, которые Двигубский читает, чтобы с помощью своего сознания максимально уподобить героев настоящим людям. Такой подход характерен скорее не для писателя, а для историка, конструкции которого, согласно Полю Рикёру, «должны тяготеть к реконструкциям, более или менее приближенным к тому, что когда-то было „реальным“, каковы бы ни были трудности [...] того, что мы продолжаем

¹¹ P. Nora, *Między pamięcią i historią: Les lieux de Mémoire*, przeł. T. Mościcki // „Tytuł roboczy: Archiwum” 2009, № 2, с. 7.

¹² А. Макушинский, *Город в долине...*, с. 74.

¹³ P. Nora, *Między pamięcią i historią...*, с. 9.

называть репрезентированием»¹⁴. Герой Макушинского берет на себя непосильную ношу «оживить» собой персонажей, вселиться в них или же позволить им существовать в себе. Двигубский таким образом, с одной стороны, стремится жить в своем произведении (создает даже себе двойника — Всеволода, старшего брата Григория, протагониста повести), с другой — стать демиургом, оживляющим персонажей — эта полная противоречий задача, естественно, априори невыполнима.

Двигубский — историк, что в какой-то степени становится для него очередным отягчающим обстоятельством — излишняя научность, документальность сталкивается с эмоционально-сентиментальным, личным. Автор, обладая огромными знаниями, чувствует мир произведения, видит его издалеку, понимает закономерности, природу событий, но этого недостаточно — незавершенная повесть Двигубского становится в итоге мозаикой чужих впечатлений (в частности Бунина и Мамонтова), литературных реминисценций, научных сведений, переплетенных личными переживаниями и эмоциями автора — получается смесь, из которой не может возникнуть цельное литературное пространство. Метапрозаическое повествование, его внутренний круг, касающийся записок Двигубского, обнажает весь хаос в сознании автора, его метания, неспособность подчинить себе материю протоповести и сформировать из нее заглавный *Город в долине*.

Григорий, смотрит сверху на город, видит его весь целиком, со всеми его куполами — и как только спускается в долину, все разваливается, разваливаются фразы, распадаются образы, не успев возникнуть, теряются персонажи¹⁵.

Важно отметить, что Двигубский определяет свое будущее произведение как «повесть», создает четкий план действия, словно старается дисциплинировать себя рамками жанра.

¹⁴ П. Рикёр, *Память, история, забвение*, перев. И. Блауберг, И. Вдовина, О. Мачульская, Г. Тавризян, Издательство гуманитарной литературы, Москва 2004, с. 369.

¹⁵ А. Макушинский, *Город в долине...*, с. 245.

Вместе с тем он не может удержаться и хватается за каждую дорожку ему мелочь — в итоге сюжет расплывается, а действительность повести Двигубского кажется или насыщенной подробностями, или зияет белыми пятнами, в которых не за что зацепиться сознанию читателя. В качестве примера можно привести сцену гибели Григория, который перед смертью бежит фактически через пустое пространство:

бежал, бежал, убегая, мимо бугра, к дальним домикам, [...] с одной только мыслью, что надо бы как-нибудь, все равно как, добраться как-нибудь, из города выбравшись, до того дальнего леса, к которому он так всю жизнь стремился¹⁶.

Получается, что главный герой повести Двигубского в последнем порыве отчаянно пытается сбежать из несостоявшегося города¹⁷ в сторону леса, который продолжает череду миражей.

Раскачанность и фрагментарность неудавшейся повести, в частности, связана со стремлением Двигубского, забывающего об изначальном замысле произведения, воспользоваться любой возможностью проникнуть в прошлое, воплотить в нем личное и компенсировать настоящее. И так, возлюбленная протагониста Григория остается девушкой довольно схематично и условно изображенной (у нее нет реального прототипа в жизни автора, т.е. Двигубского), а вот воспитавшая ее тетка, оказавшаяся подругой покойной бабушки протагониста, позволяет и Григорию, и создавшему его Двигубскому приблизиться к столь вожделенному прошлому (а даже позапрошлому). В итоге пожилая героиня неожиданно становится доминирующим женским образом неоконченной повести, затмевая тем самым свою племянницу. При этом из молодого солдата Григория явно выглядывает скучающий по своей

¹⁶ Там же, с. 303.

¹⁷ Особенности городского пространства в романе, в частности топонимическая, по которой бежит Григорий, проанализирован в статье Екатерины Чугриевой *Поэтика города в романе А. Макушинского «Город в долине»* // «Филологические исследования» 2015, т. 1, <https://academy.petsru.ru/journal/article.php?id=2887> (23.05.2024).

бабушке Павлуша Двигубский, а затем историк Павел Двигубский, который не может удержаться, чтобы не затронуть с теткой возлюбленной своего героя тему реформ Александра II. Двигубский, стремясь оживить героев, использует их в своих личных целях, реализуя описанный Нора подход к прошлому, которое интересует современного человека в первую очередь как ключ к своей идентичности, пониманию, каким он уже быть не сможет¹⁸. В итоге обремененное настоящим прошлое в повести Двигубского теряет самобытность, наполняется фальшью, которой сам автор не может не замечать. Одно временно жаждущему аутентичности герою, как каждому человеку, живущему в своем времени, недоступно прошлое в чистой форме: в его образе всегда будет присутствовать определенная примесь настоящего. Герой Макушинский в беседе с Двигубским отмечает, что в *Городе в долине* появляются хорошо знакомые ему предметы: «Вы отдали ему те портреты, которые висели когда-то у вас в столовой, на Академической, сказал я. Они до сих пор висят там, сказал он. Я отдал ему вообще многое...»¹⁹. Таким образом, в очередной раз можно прийти к выводу, что создаваемый Двигубским мир начала двадцатого столетия, вопреки ожиданиям страдающего синдромом золотого века автора, остается отражением настоящего, его тоски по прошлому.

Стоит отметить, что главный герой романа Макушинского не столько пытается создать литературный образ, сколько скорее его вспомнить. Тем самым он противоречит самой идее формирования художественного текста.

Григорий, герой ее, видит — город, остановившись над ним, на холме, перед спуском в долину и в действие, всю сразу и целиком, так что, казалось бы, ему надо лишь записать ее, вот и все, превратить виденье в слова, но сделать этого он, похоже, не в состоянии, сказал он, как если бы, спускаясь, вместе с героем, вниз, в долину и в действие, он всякий раз попадал не туда, куда надо, на какой-то неверный, в роковую другую сторону уводящий, в тупик заводящий путь²⁰.

¹⁸ P. Nora, *Między pamięcią i historią...*, с. 9.

¹⁹ А. Макушинский, *Город в долине...*, с. 207–208.

²⁰ Там же, с. 152.

Двигубский словно надеется на главного героя, что тот укажет ему путь в некий объективизированный город, который не возникнет как акт творения, а будет обнаружен, раскрыт как предмет исследования. Тем самым историк Двигубский правильно определил цель, но стремится он к ней по заведомо ложному, антилитературному пути, который не сулит ему ничего, кроме тупика.

Казалось бы, из сложившегося положения Двигубского может спасти концепция постпамяти Марианны Хирш, которая утверждает, что последующие поколения коллективно связаны с предыдущими, хотя

они «помнят» только благодаря историям, образам, поведению людей, среди которых они выросли. Процесс передачи информации происходит на таком глубоком эмоциональном уровне, что начинают создаваться собственные воспоминания. Таким образом, связь с прошлым в постпамяти образуется не за счет процесса «припоминания», но за счет вовлечения воображения и проецирования²¹.

У Двигубского, благодаря семейным традициям, воспитанию, несомненно, есть связь с прошлым. Одновременно она остается для него бесполезной: подход ученого-историка, исключающий полную свободу творения, не позволяет воспользоваться механизмами постпамяти (воображение и проецирование). Как писал Робин Коллингвуд,

и произведения историка, и произведения романиста, будучи продуктами воображения, не отличаются в этом смысле друг от друга. Разница, однако, в том, что картина, рисуемая историком, претендует на истинность. У романиста только одна задача — построить связную картину, картину, обладающую смыслом²².

Двигубский сосредоточился именно на истинности, потеряв из виду главную, как ее определяет Коллингвуд, задачу романиста.

²¹ М. Хирш, *Что такое постпамять*, перев. К. Харланова, <http://pmem.ru/index.php?id=7364> (23.05.2024).

²² Р.Д. Коллингвуд, *Идея истории. Автобиография*, перев. Ю. Асеев, Наука, Москва 1980, с. 234.

Дополнительно, главный герой совершает еще одну роковую ошибку, повторяя путь героя набоковского *Дара*, Годунова-Чердынцева, который так и не смог завершить биографию своего отца. Как заметил Юрий Апресян,

в образе этой ненаписанной книги об отце с поразительной силой реализована ностальгическая тема вечной разъединенности с родным и любимым. И хотя сознание невосполнимости утраты — то ли у героя, то ли у самого Набокова — может быть частично компенсировано возможностью в любой момент создать равновеликую действительности словесную картину прошлого, все же горькая ностальгическая нотка остается²³.

Герой Макушинского также охвачен ностальгией, но в отличие от поэта Годунова-Чердынцева, историк Двигубский не в состоянии ее преодолеть. Автор *Города в долине* слишком эмоционально связан со своим героем — Григорием, он относится к нему как к своему младшему брату, компенсирует отчужденность в отношениях со своим «современным» родственником. Автор искренне любит Григория, жалеет, не хочет дать ему погибнуть. В итоге Двигубский не может взглянуть на протагониста беспристрастным взглядом писателя, не позволяет ему отделиться от себя, «родиться» как самостоятельному персонажу. Дополнительно, в заключительной части романа оказывается, что Двигубский наделил Григория чертами своего друга Макушинского и тем самым доказал, что, пытаясь убежать в прошлое, он обречен вновь и вновь воспроизводить настоящее. Таким образом, в произведении формируется интересная круговая структура героев-двойников: Алексей Макушинский в романе *Город в долине* создает друга Двигубского, который, в свою очередь, в повести с тем же заглавием пытается воплотить в образе Григория своего создателя. Круг замыкается.

Переходя к итогам, отметим, что не только Двигубский, но и автор-повествователь Макушинский обращается к прошлому, насыщая ткань произведения многочисленными отсыл-

²³ Ю. Апресян, *Как понимать «Дар» Набокова*, <https://danefae.org/pprs/levin/derenik.htm> (23.05.2024).

ками к текстам русской и мировой литературы первой половины XX столетия, среди которых особенно выделяются традиции упомянутого уже Набокова. При этом в романе нет отсылок к советской и тем более постсоветской литературе. Автор, так же как и его герой, явно обращен к традициям классической русской литературы, которые, как известно, развивали представители первой волны эмиграции, в частности упоминаемый неоднократно на страницах романа Иван Бунин. Вместе с тем Алексей Макушинский, несмотря на явные симпатии к прошлому, в отличие от Павла Двигубского, успешно завершает свое произведение и тем самым опровергает утверждение Дмитрия Быкова, согласно которому «русский роман сегодня невозможен — ни на современном, ни на историческом материале»²⁴. Город в долине, столь искусственный, бутафорский в повести Двигубского, Макушинский превращает из неудавшейся объективизированной картины прошлого в элемент характеристики главного героя, отражение его внутреннего мира, и тем самым преодолевает все недостатки заглавного образа повести Двигубского. В результате город в долине выводится за рамки принципов правдивости, достоверности — он обретает свободу от жестких ограничений историчности, переходя в категорию мечты, воображения. Здесь можно полностью согласиться со словами Савельевой, отметившей, что Двигубский «не мог найти форму, в которую гармонично легли бы его мысли и чувства. Но он смог стать тем путем, который позволил самому автору (Макушинскому) написать роман»²⁵.

Возвращаясь в завершение к заглавию нашей статьи, следует констатировать, что Алексей Макушинский показал своим романом не только невозможность побега в прошлое, но и несостоятельность попыток учинить литературный текст инструментом воскрешения былого. Художественное произведение не может заменить память и превратить историче-

²⁴ Д. Быков, *Почему невозможен сегодня русский роман — ни на современном, ни на историческом материале, да и фантастика давно не видела прорывов?* // «Новая газета» 2012, № 49, <https://ru-bykov.livejournal.com/1386609.html> (23.05.2024).

²⁵ М. Савельева, *Посвящается «Двигубским»...*

ское в личное. Тщетные попытки Павла Двигубского доказали лишь, что художественная литература и история, как заметил Коллингвуд, могут в определенных условиях иметь схожие цели, но стремятся к ним разными путями. *Город в долине* в очередной раз доказывает, что художественное и историческое начала могут дополнять друг друга, но полный их синтез заведомо невозможен.

REFERENCES

- “Aleksey Makushinskiy o romane ‘Gorod v doline,’” oktyabr’ 2021, https://www.youtube.com/watch?v=jHUvHLNdf_s. Accessed 23 May 2024 [“Алексей Макушинский о романе ‘Город в долине,’” октябрь 2021, https://www.youtube.com/watch?v=jHUvHLNdf_s. Дата обращения: 23 мая 2024].
- Apresyan, Yuriy. “Kak ponimat’ ‘Dar’ Nabokova.” <https://danefae.org/pprs/levin/derenik.htm>. Accessed 23 May 2024 [Апресян, Юрий. “Как понимать ‘Дар’ Набокова.” <https://danefae.org/pprs/levin/derenik.htm>. Дата обращения: 23 мая 2024].
- Bykov, Dmitriy. “Pochemu nevozmozhen segodnya russkiy roman — ni na sovremennom, ni na istoricheskom materiale, da i fantastika davno ne videla proryvov?” *Novaya gazeta*, no. 49, 2012, <https://ru-bykov.livejournal.com/1386609.html>. Accessed 23 May 2024 [Быков, Дмитрий. “Почему невозможен сегодня русский роман — ни на современном, ни на историческом материале, да и фантастика давно не видела прорывов?” *Новая газета*, № 49, 2012, <https://ru-bykov.livejournal.com/1386609.html>. Дата обращения: 23 мая 2024].
- Chugriyeva, Yekaterina. “Poetika goroda v romane A. Makushinskogo ‘Gorod v doline.’” *Filologicheskiye issledovaniya*, no. 1, 2015, <https://academy.petsru.ru/journal/article.php?id=2887>. Accessed 23 May 2024 [Чугриева, Екатерина. “Поэтика города в романе А. Макушинского ‘Город в долине.’” *Филологические исследования*, № 1, 2015, <https://academy.petsru.ru/journal/article.php?id=2887>. Дата обращения: 23 мая 2024].
- Khirsch, Marianna. “Chto takoye postpamyat.” Transl. Kharlanova, Kseniya. <http://rtem.ru/index.php?id=7364>. Accessed 23 May 2024 [Хирш, Марианна. “Что такое постпамять.” Перев. Харланова, Ксения. <http://rtem.ru/index.php?id=7364>. Дата обращения: 23 мая 2024].
- Kollingvud, Robin Dzhordzh. *Ideya istorii. Avtobiografiya*. Transl. Aseyev, Yuriy. Moskva: Nauka, 1980 [Коллингвуд, Робин Джордж. *Идея истории. Автобиография*. Перев. Асеев, Юрий. Москва: Наука, 1980].
- Lipovetskiy, Mark. “Iz predystorii russkogo postmodernizma (metaproza Vladimira Nabokova ot ‘Dara’ do ‘Lolity’).” *Russkiy postmodernizm (Ocherki*

- istoricheskoy poetiki*). 44–106. Yekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 1997 [Липовецкий, Марк. “Из предьистории русского постмодернизма (метапроза Владимира Набокова от ‘Дара’ до ‘Лолиты’)”. *Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики)*. 44–106. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 1997].
- Makushinskiy, Aleksey. *Gorod v doline*. Sankt-Peterburg: Aleteya, 2013 [Макушинский, Алексей. *Город в долине*. Санкт-Петербург: Алетея, 2013].
- Matveyeva, Yuliya. “Tema Grazhdanskoй voyny v Rossii v sovremennoy russkoy literature: perspektivy dvizheniya, ili zaversheniye kul'turnogo tsikla? (A. Makushinskiy, L. Yuzefovich).” *Przegląd Wschodniosłowiański*, no. IX/2, 2018: 101–134 [Матвеева, Юлия. “Тема Гражданской войны в России в современной русской литературе: перспективы движения, или завершение культурного цикла? (А. Макушинский, Л. Юзефович).” *Przegląd Wschodniosłowiański*, № IX/2, 2018: 101–134].
- Nora, Pierre. “Między pamięcią i historią: Les lieux de Mémoire.” Transl. Mościcki, Paweł. *Tytuł roboczy: Archiwum*, no. 2, 2009: 4–12.
- Rikér, Pol'. *Pamyat', istoriya, zabvenije*. Transl. Blauberg, Irina, Vdovina, Irena, Machul'skaya, Olga, Tavrizyan, Gayane. Moskva: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury, 2004 [Рикёр, Поль. *Память, история, забвение*. Перев. Блауберг, Ирина, Вдовина, Ирена, Мачульская, Ольга, Тавризян, Гаянэ. Москва: Издательство гуманитарной литературы, 2004].
- Savel'yeva, Marina. “Posvyashchayetsya ‘Dvigubskim.’” *Kreshchatik*, no. 3, 2012, <https://magazines.gorky.media/kreschatik/2012/3/posvyashhaetsya-dvigubskim.html>. Accessed 23 May 2024 [Савельева, Марина. “Посвящается ‘Двигубским.’” *Крещатик*, № 3, 2012, <https://magazines.gorky.media/kreschatik/2012/3/posvyashhaetsya-dvigubskim.html>. Дата обращения: 23 мая 2024]
- Stavitskaya, Maуya. “Sindrom Samozvantsa.” *Berlin. Berega*, no. 1, 2024: 146–149 [Ставитская, Майя. “Синдром Самозванца.” *Берлин. Берега*, № 1, 2024: 146–149].